

Как создавался «Вишневый сад» //
Новое русское слово (Нью-Йорк).
1926. 17 августа. № 4951. С. 2-3.

Как создавался „Вишневый сад“

К. С. Станиславскому посчастливилось наблюдать со стороны за процессом создания величайшим его «Вишневого Сада».

Рассказ К. С. об этом предстает собой едва-ли не любопытнейшую страницу его «Воспоминаний» и в то же время является весьма ценным дополнением богатой мемуарной литературе о знаменитом писателе. Воспроизводим рассказ К. С. с небольшим сокращениями.

Как-то при разговоре с А. П. о рыбной ловле наш артист А. Р. Артем*) изображал, как насаживают червя на крючок, как закидывают удочку и т. п. Сцены эти передавались артистом с большим талантом и Чехов искренне жалел, что их не увидит большая публика в театре. Вскоре после этого Чехов присутствовал при купании в реке другого нашего артиста и тут же решил:

«Послушайте, надо же, чтобы Артем удил рыбу в моей пьесе, а Н. купался рядом в купальне, барахтался там и кричал, а Артем аился бы на него за то что он пугает ему рыбу».

Через несколько дней А. П. объявил торжественно, что купаящемуся ампутировали руку, но, не смотря на это, он страстно любит играть на бильярде своей единственной рукой. Рыболов же оказался стариком лакеем, скопившим деньжонок.

Через некоторое время в воображении Чехова стало рисоваться окно старого помещицкого дома, через которое лезли в комнату ветви деревьев. Потом они зацвели снежно-белым цветом. Затем в воображаемом Чеховым доме поселилась какая-то барыня.

— «Но только у вас нет такой актрисы. Послушайте... Надо же особую старуху. — соображал Чехов. — Она же все

глицынки-гурьевки, миленькое, худенькое существо с двумя длинными девичьими косами, в мужском костюме. Благодаря такому соединению, не сразу разберешь пол, происхождение и возраст. Они обращались с А. П. как с панибрата, что очень нравилось писателю. Встречаясь ежедневно, они говорили друг другу ужасную чепуху. Так, напр., Чехов уверял англичанку, что он в молодости был турком, что у него был гарем, что он скоро вернется на родину, станет пашой и тогда выпьет ее к себе. Якобы в благодарность ловкая гимнастка — англичанка прыгала и нему на плечи и, усевшись на них, здоровалась за А. П. со всеми проходившими, т. е. снимала шляпу с его голым и кланялась ему, приговаривая на ломанном русском языке по-клоуновски комично:

«Здзасьте, — здзасьте, здзасьте!»

При этом она наклоняла голову Чехова в знак приветствия.

Те, кто видел «Вишневый Сад», узнают в этом оригинальном существе прототип Шарлотты.

Роль Епиходова создавалась из многих образов. Основными чертами были со служащего, который жил на даче и ходил за Антоном Павловичем. Чехов часто беседовал с ним, убеждал его, что надо быть грамотным и образованным человеком. Чтобы стать таковым, прототип Епиходова прежде всего купил себе красный галстук и захотел учиться по-французски. Роль эту И. М. Москвин применял к своим дающим, при чем воспользовался экспромтом своим на одном из капустников. Мы думали, что А. П. разсердится за эту вольность, но он очень хохотал:

— «Я же именно такого и хотел написать. Это чудесно, послушайте!»

Роль студента Трофимова была также списана с одного из тогдашних обитателей Любливки.

Осенью 1908 г. А. П. приехал в Москву совершенно больным. Это однако, не помешало ему присутствовать почти на всех репетициях его новой пьесы, одной чательное название которой он никак не мог еще установить.

Однажды вечером мне передали (Окончание на третьей стр.)

ЭРРИО И... ДЗЕРЖИНСКИЙ

Эррио, как известно, в 1922 году посетил Россию и выпустил потом книгу, в которой описывал свои впечатления. Есть место в этой книге («Новая Россия»), посвященное Дзержинскому. Вот что пишет Эррио о большевистском палаче:

«...Дзержинский — ничто иное, как Сен-Жюст, только Сен-Жюст славянский. Русские коммунисты проявляют по отношению к нему подлинное уважение и отмечают чи-

ка, плохо выбритая щеки под черкивают худобу лица. Разговаривая, он скромно потупляет глаза, рассматривая бумаги, лежащие в большом порядке на столе. Медленным движением рук гладит какой-нибудь предмет, взятый со стола наудачу.

Лицемерие, скрытность? Нет. Скорее мистическая наивность, что не менее опасно. Я нахожусь перед самым Чистым из Чистых, перед ин-

КАК СОЗДАВАЛСЯ "ВИШНЕВЫЙ САД"

(начало на прошлой странице)

по телефону просьбу Чехова
идти к нему по делу. Я бро
работу, помчался и застал
оживленным, несмотря на
знь. Повидимому, он прибе
и разговор о деле к концу,
дети вкусное пирожное. На
и, мы дошли и до дела. Че
держал паузу, стараясь
серьезным. Но это ему
зналось — торжественная
и изнутри, пробивалась
— Послушайте, и же

столом, то ли, что он находил
лишним самый режиссерский стол
то ли, что он ссображал, как нас
обмануть и сиряться в своей
вакаде.

— Я все же написал, — гово
рил он тогда — а же не режис
сер, я — доктор!

Сравнивая, как держал себя
на речетницах Чехов с тем, как
вели себя другие авторы, уди
вляешься необыкновенной скром
ности большого человека и бес
крайнему самолюбию

чуждое название для
пьесы. Чудесное! — объявил он,
на меня в упор.

Какое? — завопил я.
«Вишневый Сад» — и он
завылся радостным смехом. —

Не вишневый, а Вишневый сад!

Первую минуту я не понял,
о чем идет речь, но А. П. про
должал смаковать название пье
сы, наирая на нежный звук е
в слове, точно стараясь с его
помощью обласкать прежнюю кра
сивую но теперь не нужную жизнь
которую он со слезами разрушал
в своей пьесе. На этот раз я
понял тонкость: «Вишневый сад»
— это деловой, коммерческий
сад, приносящий доход, такой
сад нужен и теперь. Но «Виш
невый сад» дохода не приносит,
он хранит в себе и в своей цвету
щей близине поэзию былой барс
кой жизни. Такой сад растет и
цветет для прихоти, для глаз
избалованных эстетов. Жаль уни
чижить его, а надо, так, как
процесс экономического развития
страны требует этого.

Во время речетниц «Вишне
вого Сада» приходилось точно
кляпами вытягивать из А. П. за
мечания и советы, касавшиеся
его пьесы. Его ответы походили
на ребусы и надо было их раз
гадывать, так как Чехов убежал
чтобы спастись от приставания
режиссеров. Как мы ни стара
лись посадить его к режиссерс
кому столу, ничего не выходило.
А если и усадишь, то он начи
нал смеяться. Не поймешь, что
его смущало: то ли, что он стал
режиссером и сидел за важным

гораздо менее значительных пи
сателей. Один из них, напр.,
на мое предложение сократить
витиеватый монолог в его пьесе,
сказал мне с торчью обиды в
голосе: «сокращайте, но не за
бывайте, что вы стаете перед
историей!»

Напротив, когда мы дерзнули
предложить А. П. выкинуть це
лую сцену в конце 2-го акта, он
сделался очень грустным, по
бледнел от боли, но, подумав и
оправившись, отвечал: — Сок
ратите!

Спектакль назавивался трудно
и неудивительно. Прелесть пье
сы — в неудовимом глубоко
скрытом аромате. В описывае
мое время наша внутренняя
техника и умение воздействовать
на творческую душу артистов
по-прежнему были примитивны.
Чтобы помочь актерам вызвать в
их душе творческие провидения,
мы пытались создать для них на
люзию декорациями, игрой све
та и звуков. Иногда это помога
ло, и я привык злоупотреблять
световыми и слуховыми сцени
ческими средствами.

— Получайте, — рассказы
вал кому-то Чехов, но так, чтобы
я слышал. — Я напишу новую
пьесу и она будет начинаться
так: «как чудесно, как тихо!
Не слышно ни птиц, ни собак, ни
букушек, ни совы, ни соловья,
ни часов, ни колокольчиков и
ни одного сверчка».

Конечно, камень бросался в
мой огород.

Ныне покойный. Ред.